

Маргарита Нортон

Наследницы горных вершин

18+

Маргарита Нортон

Наследницы горных вершин

«Автор»

2026

Нортон М.

Наследницы горных вершин / М. Нортон — «Автор», 2026

В 2020 году весь мир узнал о противостоянии между жителями одной из Республик и олигархами. Тысячи людей встали на защиту горы от разработки. Но это не первое противостояние - похожее, но более жестокое, произошло более ста лет назад. Борьбу за родную землю ведут женщины разных поколений. Одна – бедная сирота, с упрямым и горячим нравом, чье имя много лет спустя носит одна из центральных улиц города. Вторая – любимая дочка, воспитанная в гордости за свою легендарную бабушку. Обе испытали счастье взаимной любви и любили мужчин одного рода. Но может ли быть счастливым проклятый род, пусть даже через многие года после проклятия.

© Нортон М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Примечание	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маргарита Нортон

Наследницы горных вершин

Примечание

Посвящается моей бабушке – самой доброй, трудолюбивой и упрямой женщине.

Это произведение является плодом художественного вымысла. Все имена, персонажи, организации - вымышлены, а совпадения с реальными людьми, живущими или умершими - случайны. Все события, кроме событий, произошедших на горе Куштау в 2020 году, являются плодом воображения автора. События на горе Куштау описаны с художественным смыслом и не несут в себе документальной точности всего того, что происходило в реальности.

Глава 1

1917 год

Вечернее солнце клонилось к закату, озаряя верхушки деревьев Птицы-горы розовым светом. Птица-гора высокая, густо поросшая зеленью, в длину уходящая далеко за пределы горизонта. Похожа она на батыра, прилегшего на привал и укрывшегося зеленой конской попоной. Едешь, бывало, из столицы губернии и вот она - статно выплывает вдаль. И сердце радостно подпрыгивает - скоро дом.

Лето подходило к концу, дни становились короче, а ночи холоднее.

Алексей еще раз поднял глаза к вершине горы, горестно вздохнул и уселся в телегу.

Он сел на жесткий край, безвольно опустив голову. На его лице, обладающем тонкой, почти женственной красотой — с мягким овалом, точеным прямым носом и пушистыми ресницами, читалась грусть, а сильные руки крепко сжимали поводья.

Сегодня ему захотелось проехать мимо дома Гюльнары. Обычно Алексей старался возвращаться другой дорогой, чтобы случайно не увидеть её. А вот сейчас так защемило в груди, что он едва не задохнулся. Подстегнул кобылу кнутом и тронулся по ухабистому пути.

Вчерашний дождь размыл и без того плохую дорогу. Колеса телеги то и дело тонули в глиняной жиже, и Алексей высоко поднимал ноги, чтобы не забрызгать кожаные сапоги, которые ему подарил отец. Он задумался о том, что неплохо бы свозить дочку в столицу и заказать ей новые пальто и платья. Чуть не проехал, задумавшись, старый и кособокий дом Гюльнары.

Она снимала с веревки высохшее белье, да так и застыла, увидев его. Её длинные косы трепетал ветер, синий платок, повязанный на голове, удивительно шел к бархатным, с поволокой, глазам. Сейчас в них читалась такая тоска, что Алексей едва не расплакался. Так, молча, они и смотрели друг на друга, пока кобыла не провезла своего хозяина дальше.

Он заехал в ворота, распряг кобылу и насухо вытер её потный круп. Насыпал свежего сена, налил ключевой воды и поспешил в дом, где в окошке радостно сияло лицо дочки.

Лиза выбежала к нему, едва он переступил порог, и, как котёнок, взлетела на руки отца. Алексей ласково потрепал рыжеватые волосы, поцеловал ребенка в пухлую розовую щечку, и прошел вместе со своей щебечущей ношей в комнату.

Татьяна, его супруга, уже суетила у стола, расставляя тарелки и раскладывая ложки. Мархаба - прислуга, старая тихая женщина, несла лапшу в красивой пиале, от которой исходил густой, сытный аромат.

- Садись, Алеша, ужинать будем, - улыбнулась жена и придвинула мужу стул.

Супруга его была высокой, сухопарой женщиной, с крупными, как у кобылы, зубами, редкими светлыми волосами. Хозяйкой и управительницей она была хорошей, с работниками обходилась строго, но справедливо. Мужу всегда старалась угодить, улыбалась и не скандалила, словом, получила хорошее воспитание в доме отца-купца. Алексей невольно сравнил её с Гюльнарой, своенравной, как необъезженная лошадь. Усмехнулся в усы и принялся за суп.

- Как день прошел? – поинтересовалась Татьяна, наливая в пиалу каймак.

- Нормально, - быстро ответил Алексей и почувствовал, как горячий бульон обжёт рот.

- Что на горе? Валят лес?

Алексей прожевал кусок жирной, парной говядины и лишь потом ответил:

- Одну делянку освоили уже.

Татьяна присела напротив и задумчиво посмотрела в окно, где в сумерках едва виднелась Птица-гора.

- Вот и что противились? Новый лес вырастет. Нет, заладили: «священная гора, священная гора». Что будет с горой-то, гору-то никто не трогает, - она вздохнула и отхлебнула чай.

Татьяна так захлопала тонкими губами, что Алексей поморщился. Этот её привычный звук очень раздражал.

Вспомнил вдруг ту старуху, что пришла к их дому после того, как похоронили особо рьяных защитников леса Птицы-горы.

Старуха встала у ворот и громко, на чисто русском языке, прокричала:

- Будь ты проклят, Алексей! И ты, и род твой до седьмого колена. За сына моего, отвечать вам!

Потом ещё долго кричала по-башкирски, но хозяин дома не понимал эту речь, а Мархаба отказалась пересказать.

- Слова там темные, жуткие, ни к чему тебе, хозяин, знать их, - а сама ушла наверх, и слышал долго Алексей её всхлипывания.

На следующее утро Татьяна побежала в церковь, веря, что сорокоусты за здоровье спасут её семью от старухиных проклятий.

Он отбросил ложку, и та громко стукнулась о деревянный стол. Прозрачные жирные брызги растеклись некрасивым пятном на белоснежной скатерти. Алексей взглянул на сидевшую напротив него жену, глаза налились кровью.

- Что ты в этом понимаешь? – закричал он.

Татьяна изумленно застыла с зажатой в руке баранкой.

Мархаба быстро схватила за руку испуганную Лизу и поволокла девочку к детской.

Алексей поднялся со стула, едва не опрокинув его. Он навис над женой грозной тучей.

- Тебя кроме твоих нарядов, вот этих всяких пирожков да кулебяк вообще что-нибудь занимает?

Алексей кричал прямо в её лицо, видя, как капли слюны брызгают на застывшее в испуге лицо.

- Знаешь ты местные легенды про эти горы? – не унимался мужчина, - Всю жизнь здесь живешь, родилась здесь и выросла! Ладно я, переехал сюда уже парнем, но ты-то, ты!

Он поднес указательный палец к самому носу жены. Отметил про себя, как скривились её тонкие губы, как исказилось в ожидании слёз и без того некрасивое лицо, но не почувствовал ни стыда ни жалости.

- Это их земля, их! Их горы, их лес! Многие сотни лет! И не тебе судить!

Он резко развернулся и направился к выходу. Ярость билась в висках тяжелым, глухим молотом, затапливая сознание удушливой волной. Алексей так сильно сжал кулаки, что побелели костяшки.

Голос, полный отчаяния, заставил его замереть на месте.

- Башкирку свою защищаешь? Думаешь, не знаю я, как вы с ней миловались? Так и уходи к ней!

Он обернулся и взглянул на жену. Глаза её сузились до злых щелок и покраснели. Крылья носа судорожно раздувались, а кожа вокруг рта и на подбородке мелко дрожала от напряжения, скулы натянулись так сильно, что, кажется, будто маска черепа проступает наружу.

Алексей молча вышел на крыльцо, присел на прогретые солнцем доски и принялся дрожащими руками скручивать самокрутку. Посидел какое-то время. С каждой новой затяжкой ярость медленно отступала. Он и сам не понимал, почему вдруг так разозлился. Никогда раньше Алексей так не кричал на жену. Может, его скрытая от него самого тоска по Гюльнаре вдруг проснулась, увидев её сегодня.

Дверь за его спиной тихонько скрипнула.

- Хозяин, уйду я от вас, - горько, едва слышно, произнесла Мархаба.

Алексей обернулся к старушке. Роста она была невысокого, зато в ширину очень удалась. Платок на голове полностью скрывал её седые волосы. Глубокие, выжженные солнцем морщины изрезали смуглое лицо, но глаза под тяжелыми, чуть припухшими веками оставались

острыми, пронзительными и темными, как горное озеро. Она комкала руками, покрытыми старческими пятнами, белое кухонное полотенце.

- Наши меня со свету сживают, шепчутся. В глаза говорят, что я палачам служу. Не могу я так, хозяин. Знаю, вины твоей нет, но народ решил по-своему. Стара я уже, спокойно хочу дни свои дожить. Лиза растёт, другую няньку найдете быстро.

Помолчали. Алексей отбросил щелчком пальцев докуренную самокрутку, проследил, как мягко она упала на землю, и проговорил:

- Спасибо тебе, Мархаба. Спасибо за все.

Гюльнару Алексей увидел летом четырнадцатого года. Юноши и девушки собирались теплыми летними вечерами на берегу реки, плясали и пели под гармонь, а потом, затемно, расходились парочками по тёмным улочкам.

Его здесь знали и относились с уважением - как же, сын самого крупного лесопромышленника в городе. Девушки застенчиво заглядывали в лицо, смущённо улыбались, парни стремились раньше других пожать руку.

Она кружилась в центре круга, длинные косы полоскались на ветру, глаза, словно звёзды, сияли в лунном свете. Её статная грудь, туго обтянутая тонкой, простенькой кофтой, весело подпрыгивала в такт музыке. Длинная цветастая юбка колоколом поднималась к коленкам, обнажая кипельно белые подштанники.

- Кто она? – выдохнув едкий дым сигарки, Алексей обратился к Мирону, стоявшему рядом.

Тот проследил за взглядом Алексея, и нехотя ответил:

- Гюльнара, сиротка. Дед мулла был, помер. Мала ещё, шестнадцать годков едва стукнуло. Не будет с тобой гулять, - утверждающе ответил Мирон.

- Это мы поглядим, - сплюнул Алексей и вошел в круг танцующей молодёжи.

Девки, словно осы, окружили его, подставляя свои потные, взмыленные тела, он же пытался пробиться к Гюльнаре, расталкивая толпу острыми локтями.

Едва оказавшись перед ней, застыл в нерешительности. Девушка же, бросив на него чёрными, как уголь, глазами, быстрый взгляд, на миг остановилась и спустя мгновение продолжила отплясывать.

Уже ночью, когда усталый гармонист свернул меха гармони, опрокинул стакан самогона и убрался восвояси, Алексей кинулся в след уходящей в одиночестве Гюльнары.

Заслышав шаги, она быстро развернулась и настороженно замерла, словно испуганная лань.

- Можно тебя проводить? – тихо сказал Алексей, невольно выпрямляя спину, и нервно поправляя рукой новый картуз.

- Ну, проводи, - с вызовом ответила девушка, - если не боишься.

- Чегой-то я бояться-то должен, - рассмеялся парень.

- Наша сторона беспокойная, плохих парней много, - вздохнула Гюльнара.

- Ничего, как раз давно кулаками не махал, - пошутил Алексей.

От реки уже веяло холодом, и девушка зябко поежилась. Полная, кроваво-красная луна освещала вершину Птицы-горы, словно расплескивая чашу вина по макушкам деревьев.

- Знаешь ли ты легенды о наших горах? - спросила девушка. Голос её, бархатистый и звонкий, мелкими колокольчиками растекался по ночному воздуху.

-Нет, - ответил парень, и укрыв её плечи своим пиджаком.

Девушка начала свой рассказ, и Алексей, как замороженный, слушал, и словно переносился в то далёкое время...

«Когда-то в этих краях жил ногайский шах. Был он, как все богачи, жадный и злой, и была у него дочка, назовем ее Гюльчир. Она, не в пример отцу, была красивой и доброй

сердцем. По соседству в юрте жила бедная женщина с сыном, назовем его Ишбулды. Вот и подружились на беду Ишбулды с Гульчирой.

Когда девушка подросла, стали во дворец её отца богатые женихи из разных земель приезжать. Кого там только не было и какой только калым не сулили они шаху! А отцу красавицы все было мало, и он прогонял их. Пришел сватать Гульчиру и Ишбулды, ее любимый.

- Что ты можешь принести, какой калым за невесту дашь мне? - со злым смехом спросил его ногайский шах.

- Свою любовь и только любовь, - ответил юноша.

Вдоволь насмеявшись, шах прогнал его со двора, крикнув вдогонку:

- Вот если принесешь мне за калым живое сердце твоей матери, то, так и быть, отдам тебе в жены свою дочь! В большой печали вернулся Ишбулды в свою юрту.

- Мама, сказал он, - шах требует калым за Гульчиру.

- А что мы можем ему дать? - ответила мать, - разве что эту дырявую юрту.

- Мама, - с дрожью произнес сын. - Шах требует, чтобы я принес твое живое сердце, тогда он отдаст мне Гульчиру в жены.

Мать, недолго думая, взяла нож, ударила себя в грудь, вынула большое, горячее сердце и, протянув его сыну, сказала лишь два слова:

- Торопись, сынок! - и умерла.

А сердце еще было живо. Ишбулды, взяв его в обе ладони, бросился бежать ко дворцу шаха. Все это видел Урал-батыр - главный дух здешних мест. Не стерпел он такой несправедливости и бросил на дорогу, по которой бежал юноша, небольшой камень. Юноша упал, уронив на дорогу сердце матери. Задыхаясь в дорожной пыли, сердце прошептало: «Не ушибся ли, сынок?» - И окаменело, превратившись в гору - Сердце-гору.

Сын, увидев перед собой большое окаменевшее сердце матери, словно очнулся от наваждения. Он вдруг понял, что на свете существует Любовь, которая гораздо больше и благороднее, чем его любовь к девушке, - любовь матери к сыну. Он упал на землю и стал молить Урал-батыра, чтобы он наказал его за содеянное. Взмахнул Урал-батыр рукой, и тело, распластанное на земле, обернулось большой Царь-Горой.

Все это, оказывается, видел и злой ногайский шах. Он сидел на балконе своего дворца и насмехался. В третий раз взмахнул рукой Урал-батыр, и дворец вместе с шахом и его богатствами превратились в третью гору - Крепость-гору... Люди слышали, будто Урал-батыр крикнул: «Эти богатства шаха достанутся только тем, кто будет по-настоящему бороться за свое счастье и победит...»

- Никогда не слышал эту легенду, - едва девушка закончила рассказ, проговорил Алексей.

- Как же ты, живя здесь, не знаешь их? - удивилась Гюльнара.

- Мы переехали сюда, когда мне уже лет двенадцать было.

- Вот оно что. А это мой дом, - она махнула рукой в сторону спрятанного в ночи маленького домика, скинула с плеч пиджак и умчалась, не попрощавшись. Только мелькнула её цветастая юбка.

Лето 2020 года

- Ты понимаешь, что мы можем всё потерять к чёртовой матери? - орал в трубку акционер.

Виктор Михайлович положил телефон на стол, и провёл рукой по глазам. Как же он устал.

- Ты чем там вообще занимаешься? Ни хрена не шевелишься.

Услышав эти слова, Виктор Михайлович едва не поперхнулся. А кто всю ночь разгонял этих защитников горы, чьи ребята сутками не спят, выполняя его приказы?

Он выключил в компьютере звук, нажал кнопку воспроизведения и уткнулся в экран, где ночью, на горе, шла настоящая драка.

Его красивое лицо на миг застыло и пришлось вновь включить паузу. Что ещё там кричал акционер, он уже не слышал.

«Она? Что она там делает?». Мужчина увеличил изображение и его густые брови взметнулись вверх. Нет, точно она. Дерётся, как мужик. Взгляд бесстрашный, озлобленный. И все равно прекрасна. Как всегда.

Виктор Михайлович дождался, пока его собеседник проорётся, вежливо попрощался и набрал своего заместителя по безопасности.

- Игорь, включи видео на тридцать второй минуте. Включил? Что с этой женщиной, не покалечили?

Услышав в ответ: «она сама любого покалечит», он облегчённо рассмеялся.

А вечером, когда водитель мчал его домой, он увидел её. Не в резиновых сапогах и спец-одежде, как на видео, а в легком, струящемся платье. На тонких, высоких каблучках, она переходила дорогу, гордо вскинув голову. Мазнула взглядом по номеру внедорожника и уставилась прямо на него. Замерла на секунду. Столько тоски было в этих глазах, что сердце защемило.

Водитель тоже ждал, пока они наглядятся друг на друга. Он хорошо её помнил, хотя прошло уже шесть лет с того момента, когда он в последний раз подвозил девушку домой. Много времени миновало, а будто было вчера...

Виктор Михайлович всё ещё тосковал по ней. Видел во сне. После их расставания погряз в ворохе женщин, длинных ног и упругих грудей, но успокоения так и не нашёл.

И как случилось так, что они сейчас по разные стороны баррикад? Ведь, если бы она была его женой, такого бы не случилось. Его Диана... Он всегда хотел видеть её своей женой. Но место было уже занято...

Отпустив водителя, он тяжело прошёл в сторону бассейна, и, сняв одежду, нырнул, пытаясь смыть с себя сегодняшний день. Потом, выбравшись из воды, насухо вытерев разгорячённое быстрым плаванием тело, взял телефон и набрал цифры, которые помнил наизусть.

Она ответила не сразу. Виктор Михайлович так и видел, как девушка смотрит на экран телефона, и не знает, что делать.

- Не ходи ночью на гору. Там будет горячо, я прошу тебя,- сильным голосом сказал он.

- Ты не имеешь никакого права мне указывать,- она рассмеялась своим низким, грудным смехом.

- Считай, что это совет, - зло ответил он, ругая себя за этот звонок. Мужчина уже видел жену, которая спешила к нему со стаканом сока на подносе.

Сейчас она раздражала его как никогда - её правильное питание, что навязывалось жажущему жирного мяса нутру; утянутое модным хирургом лицо, не естественно белые фарфоровые зубы.

- Ты же знаешь, я не прислушиваюсь к чужим советам.

- Я стал тебе чужим? – тихо спросил он.

- Шесть лет назад, - девушка снова рассмеялась.

Виктор Михайлович увидел, как жена ставит на столик стакан и сказал:

- Я не могу больше говорить. ...

Он не успел окончить фразу, как на том конце провода ответили:

- Ничего не меняется, - и в трубку полились гудки отбоя.

Мужчина не видел, как девушка, с которой он только что говорил, медленно сползла по стене кухни и глухо зарыдала.

- Что с горой? – изображая интерес, спросила жена.

- То!- выкрикнул он и её ресницы зашевелились, как маленькие змейки.

- Убери от меня свой гребаный фреш! – Виктор с силой кинул стакан в кафельный пол и снова заорал:

- Водки я хочу, водки! И сало с картошкой и соленым огурцом! Метнулась быстро, приготовила!

Мужчина видел, как капли его слюны брызгают в покрасневшее лицо жены, и отвернулся, сдерживая рвавшуюся лаву ярости.

Затем, уже успокоившись, набрал номер своего заместителя и сухо распорядился:

- Женщин ночью на горе не трогать и в полицию не сдавать.

Глава 2

1917 год

Ночь стояла тёмная, глухая. Кое-где слышался лай собак да уханье сов.

Дом давно спал. Лишь дрожащий огонёк ночной свечи освещал задремавшую в кресле у детской кроватки старушку.

Лёгкое царапанье по оконному стеклу заставило её вынырнуть из дрёмы. Старушка поднялась, взяла в руки подсвечник и тихо, стараясь не скрипеть половицами, подошла к окну. Медленно отворила створку.

- Выйди, - услышала она женский шёпот.

Старушка вышла в прохладу ночи, успев укутать плечи шалью.

- Чего тебе?

Она по голосу узнала Бибинур – ту женщину, что приходила с проклятьями к дому Алексея. Старушка невольно содрогнулась, вспомнив те слова, полные дикой боли и ярости.

Бибинур сунула в её руки какой-то сверток. Старушка прищурилась, пытаясь в полной темноте разглядеть его. Тяжесть монет, завернутых в ткань, на мгновение вогнали её в ступор.

- Что это? – удивленно прошептала она.

- Принеси мне рубаху Алексея, нестиранную.

Мархаба выпрямилась, как от удара плетью, с силой вжала сверток в ладони просительницы.

- С ума сошла? Сыхыра собралась? Не бери грех на душу!

Старушка услышала свой собственный свистящий шёпот.

Бибинур тихо, зло рассмеялась.

- Грех на душу твой хозяин взял. А я его изведу. Не ты поможешь, так кто-нибудь другой.

Они стояли близко, лицом к лицу. В густой, потяжелевшей вдруг темноте, Мархаба отчетливо увидела, каким яростным огнем горят глаза говорившей.

- Не виноват он, - устало прошептала старушка, - то отец его.

- Так вот я и погляжу, как папенька сыночка своего в могилу опустит.

Вдруг послышался детский плач. Мархаба резко развернулась и кинулась к дому.

Следующий день выдался жарким. Старушка всю ночь не сомкнула глаз. Лишь с первыми петухами сон накрыл ее, но спустя уже короткое время она почувствовал тепло детских ладошек на своём лице.

Мархаба выкатилась во двор коляску с сидевшей в ней Лизой. Коляска была очень красивая. Она напоминала миниатюрную карету. Корзина, вырезанная из благородного дуба, качалась на высоких, тонких рессорах из вороненой стали. Снаружи кузов покрывала белоснежная эмаль, расписанная тонкими золотыми вензелями и миниатюрными бутонами роз. Колеса с изящными деревянными спицами были обуты в легкие резиновые облучки для бесшумного хода.

Они едва устроились в тени яблони, как старушка заметила какое-то движение у забора. Она резко повернула голову и увидела, как полная, молодая женщина что-то прячет в вырезе домотканого платья. Другой силуэт, тоже женский, отлепился от забора с другой стороны и быстрым шагом удалялся.

Внезапная догадка, словно искра, взорвала голову.

Мархаба стремительно поднялась и кинулась в след идущей к хлеву девке.

- Авдотья! – крикнула она.

Девка остановилась и обернулась. Белесое, круглое лицо, толстая русая коса. Наиграно поклонилась.

- Что у тебя там?

Мархаба схватила женщину за локоть и устремила взгляд к большой груди, с заметными ручейками пота, скользившими к ложбинке.

Девка удивленно приподняла свои белесые брови и весело проговорила:

- Титьки!

- Дура!

Старушка едва сдержалась, чтобы не отхлестать девку по румяным щекам.

- Что ты отдала Бибинур?

- Какой Бибинур? То Марьяна была, крёстная моя. В церкву звала к обедне. Вот те крест. И, выпучив глаза, перекрестилась.

Едва сумерки накрыли город, старушка вышла за ворота, и направилась вниз по улице. Она остановилась у маленького, кособокого домишки, и перевела дух. Тихо подкралась к светящемуся тусклым светом окошку. Прильнула к пыльному стеклу, пытаясь рассмотреть, что происходит внутри.

В полумраке женщина, одетая в темную, длинную рубашку, сидя на грубом деревянном полу, раскладывала перед собой светлую ткань. Быстрым движением схватила пучок трав, лежавших рядом, и подожгла от лучины. Что-то зашептала, водя над тканью травами. И вот уже чёрная нить обвивает лежавшую перед ней рубашку.

Старушка отпрянула от окна, прислонилась спиной к холодной стене домишка, и жгучие слёзы заструились, оставляя борозды на сухой морщинистой коже лица.

Лето 2020 года

В первую ночь на горе ночевали большей частью женщины. Из мужчин были только дядя Гоша - немолодой, но волевой и очень храбрый, да ещё парень по имени Олег - студент и активист народного экологического движения. Основные защитники отправились спать по домам - завтра предстоял сложный день, должна была прийти заводская техника и начать рыть гору. Требовалась мужская сила, чтобы этому помешать.

Мирно поужинали и пили чай, сидя вокруг костра и подпевая игравшему на гитаре Олегу.

Лицо его, в отсветах костра, напоминало лицо Трубадура из старого советского мультфильма. Голос, глубокий и ровный, окутывал слушающих пение, будто лёгким покрывалом.

Диана подумала, что могла бы вечно слушать его песни и сидеть вот так у костра длинными ночами. Внезапный страх обручем обвил шею, и сердце тревожно забилося, как птица в клетке. Она замерла, прислушиваясь. Какие-то шорохи, треск ломающихся сучьев. Девушка подняла вверх руку, и песня тотчас оборвалась. Во внезапно наступившей тишине отчётливо были слышны приближающиеся шаги. Посетители, не скрываясь, шли прямо к лагерю.

В темноте возникли спортивные фигуры - много, в тёмных одеждах и с масками на лицах. Диана нащупала в кармане газовый баллончик, поспешно вытащила его, успев прошептать поднявшейся из-за стола Зульфие:

- Беги в лес, звони и пиши нашим.

Незваные гости рассредоточились, будто не замечая поднявшихся от костра людей. Принялись громить палатки, перевернули котелок с остатками супа прямо в костёр. Тот зашипел и растёкся густым едким дымом. Диана слышала треск рвущейся ткани палаток, которые защитники горы собирали с равнодушных людей, и почему-то именно этот звук, оголил нервы до предела. Словно пелена легла на глаза, растворяя всё вокруг, кроме этого сухого, варварского треска.

В школе Диана дралась. Маленькая, с острыми кулачками, они кидалась в бой, заметив малейшую несправедливость. Ей было неважно, старшеклассник ли обижает младшего по возрасту, или девчонки толпой набрасывались на одну девочку. В школе Диану побаивались. Несмотря на хрупкий внешний вид, била она больно, чётко поставленными ударами. Спасибо соседу Айрату, научившему немногим, но основным ударам. Сосед, вернувшийся из

Афганистана, частенько заживал к ним с мамой домой, когда его головные боли настолько накрывали парня, что он едва мог дышать и бессильно катался по полу, хрипя. Дианина мама давала ему специальные отвары, что-то шептала, водя рукой над его рано поседевшей головой, и боль отступала. В благодарность Айрат учил девочку приёмам самообороны, приговаривая, что каждый должен уметь себя защищать.

Она бросилась на одного из мужчин в едином порыве гнева, но он молниеносно перехватил её запястья, заломив руки за спину. Не растерявшись, Диана с силой оттолкнулась ногами от земли, взмыла вверх и вскинула голову, нанеся сокрушительный удар затылком ему в лицо.

Тот, застонав от боли, снял маску. Девушка узнала в нём одного из сотрудников службы безопасности завода и резко отскочила в сторону:

- Ах, ты сука, - прошипел мужчина, - ты мне нос сломала, - и медленно пошёл на девушку.

Дядя Гоша схватил топор, валявшийся у костра, и загородил собой Диану:

- Только тронь, паскуда, - закричал он.

И тут их поляну осветил свет многих фар.

- Наши едут! - закричала Зульфия.

Гости повернулись и застыли в недоумении.

- Уходим, - скомандовал один из них, по всей видимости, главный.

И они исчезли в темноте ночи также быстро, как и появились.

- Вот ведь твари, - сплюнул сквозь зубы дядя Гоша и пошел навстречу подъезжавшим автомобилям.

Виктор Михайлович не сразу понял, что влюбился. Всё начиналось, как обычно, со всеми другими женщинами. Редкие встречи, короткие разговоры и секс. Потом молча одевались, поодаль, словно стесняясь друг друга. Поцелуй на прощание и слова: «я позвоню».

После ему стало интересно с ней говорить. Она разбиралась во многих вещах, которые он не мог обсуждать со своей женой. В политике, акциях, даже в производственных процессах. Виктору Михайловичу было весело с ней, она так заливисто смеялась его не очень смешным шуткам, что он невольно старался запомнить этот её серебристый смех, словно понимая, что не всегда будет слышать его. Мужчина снял небольшую, но очень уютную студию для их редких встреч. Он любовался Дианой по утрам, когда она ходила босая и растрёпанная, в длинной белой футболке, не скрывавшей изгибы стройного тела и упругих грудей. Смотрел на длинные, тонкие пальцы, обнимающие кружку с горячим кофе, на завиток волос, заправленный за маленькое ушко, и понимал, что пропал.

Водитель отвозил её домой. Виктор Михайлович никогда не ездил с Дианой в машине. Одно дело – тайные встречи и совсем другое, если кто-то увидит их вместе. Ему не хотелось рисковать своим имиджем, и, чёрт побери, своей привычной семейной жизнью и укладом быта. Он прекрасно понимал, как бы цинично это не звучало, что после неё будет другая, а потом ещё другая. Что же, всех лично до дома провожать. Характер Виктор Михайлович имел прижимистый. Дамам подарки не дарил, только букеты в женский весенний праздник и то, отдавая распоряжение водителю, несколько раз повторял, что не нужно покупать самый дорогой букет. И, несмотря на свою физическую привлекательность, он, оставаясь мальчиком с болезненным эго, предпочитал сомневаться, а действительно ли все эти девушки встречаются с ним исходя из симпатии, или их самолюбию льстило внимание обеспеченного, властного мужчины.

Лишь однажды он поехал вместе с водителем отвезти Диану домой. Виктор Михайлович был пьян и потому бесстрашен. Они быстро доехали до старого дома сталинской постройки. Конечно, дом был не чета московским сталинкам, но тоже выглядел по-советски монолитно. Балкончики с мраморными перилами, высокая арка, большие окна.

- Где твои окна? – весело спросил он.

На дворе стоял май, пышно цвела черёмуха, в воздухе витала радость предстоящего лета.

Диана указала рукой на балкон третьего этажа, и браслеты на её запястье тонко звякнули.

Он обомлел. Даже крепко зажмурился, думая, что спьяну показалось. На балконе стояла настоящая ведьма и дымила трубкой. Её лицо, испещренное сетью глубоких морщин, хранило следы былой красоты, а смуглую кожу эффектно оттенял яркий платок. Она пристально смотрела из-под густых чёрных бровей, будто видела Виктора насквозь. А ведь снаружи он совсем невиден благодаря тонированным стёклам.

- Что это за...., - он чуть было не сказал «ведьма», но вовремя сдержался.

- Это моя мама, - спокойно сказала Диана, и мужчина понял, что она давно уже привыкла к удивлению людей, впервые видевших её мать.

Старухе было лет сто.

- Сколько ей лет?

- Я поздний ребенок, - уклончиво ответила Диана, - и да, я цыганка, но только наполовину. Мой отец был русским и умер уже давно. Я его совсем не помню.

Второй раз он встретил маму Дианы совсем недавно.

Женщина цепко схватила его за плечо, когда Виктор вошел в главное здание завода.

- Ты заплатишь за то, что мою девочку обидел.

Он снова почувствовал её тяжелый взгляд. Одета женщина была, как обычная пенсионерка – серый пиджак, длинная юбка и мягкие туфли. Волосы аккуратно заплетены в косу, которая обручем обвивала голову. Никакой трубки. Сейчас она казалась моложе, чем тогда, тёплым майским вечером.

Виктор Михайлович с силой отцепил её пальцы от себя:

- Во-первых, Ваша девочка сама решила со мной расстаться. Во-вторых, я очень спешу, у меня через десять минут совещание.

Тёмные глаза сузились. Теперь она встала, уперев руки в крутые бедра и зашипела:

- А по чьему приказу Диану уволили? Полы мыть пошла в подъездах. Не ты ли распорядился, чтобы в приличное место её не брали?

- Мне совершенно некогда, - пытаюсь пройти мимо, ответил мужчина.

Женщина совсем близко подошла к нему, и Виктор Михайлович почувствовал её мятное дыхание. Ведьма была высокая, почти одного роста с ним.

- Это сейчас ты туз бубновый, весь холёный и лощёный. Совсем скоро другая жизнь тебя ждёт. Друзья отвернутся, жена бросит. Далеко окажешься от своего кабинета и кресла кожаного. Лишь моя Диана руку помощи протянет. Только ты гони её, внуков от тебя мне не нужно.

Ему стало смешно. Страшилки какие-то базарные.

- Вот сами и следите за своей доченькой.

Женщина вздохнула и помрачнела. Злоба в её глазах растаяла:

- Я бы последила, да не будет меня уже на этом свете.

Она развернулась и, гордо подняв голову, пошла прочь.

Виктор Михайлович догнал её и с усмешкой спросил:

- А почему Вам внуков от меня не нужно?

Женщина обернулась и горько улыбнулась:

- Нутро у тебя чёрное. Но это полбеды. Кровь твоя тёмная, плохая.

Войдя в кабинет, едва кивнув секретарше, он заперся в комнате отдыха. Подошёл к зеркалу, взглянул на своё отражение.

Взгляд прямой, внимательный, оценивающий, но не суетливый. Уголки глаз тронуты лучиками мелких морщин от привычки концентрироваться. Аккуратная стрижка с благородной сединой на висках. Волосы выглядят ухоженно без избытка фиксирующих средств. Лицо расслабленное, без зажимов и лишней напряженности. Подтянутая спортивная форма - резуль-

тат еженедельных тренировок. Костюм сидит идеально, потому что сшит на заказ. Дорогая, тонкой выделки шерсть, без кричащих брендов и логотипов.

«Друзья отвернутся», - подумал он и едва не рассмеялся.

Друзей у него было мало, но дружба их проверена годами и... Да чем только не проверена.

«Жена бросит» - куда она денется. Да и кому она нужна.

Он вошел в кабинет, вызвал по селектору начальника службы охраны и приказал посадить охранника прямо на входе в здание. Чтоб не маячили здесь всякие бабки.

Взглянул на циферблат золотых наручных часов. Через пять минут совещание. Нужно собраться с мыслями.

1914 год

На широкой, полноводной реке, прижился небольшой островок, заросший тонкими, корявыми деревьями. Вброд не добраться, только вплавь или на лодке. Именно там облюбовали влюблённые себе уголок – Алексей соорудил шалашик, Гюльнара разложила подушки, набитые гусиными перьями, в красивых, вышитых наперниках.

Приплывали поздним вечером, когда городок уже засыпал. Только кое-где слышны были смешки гуляющих парочек. Устраивались на сене, снимали промокшее белье, долго целовались. После ласк, откинувшись на подушки, молчали, думая каждый о своём.

Река тихо ворчала, шелестя течением, чайки переругивались, деля добычу.

- Помнишь, ты рассказывала мне легенду о Царь-горе. Расскажи про другую гору.

Алексей нежно гладил сухую ладонь Гюльнары. Девушка заправила за ухо прядь волос и начала рассказ.

«Давным-давно жила в этих краях дочь богатого хана - Диафет. Красоты была неземной. Слухи о красавице ходили по всему свету. Говорили, что, увидев девушку, можно было ослепнуть, настолько восхитительна она была. Женихи съезжались ото всюду. Но никто не нравился привередливому хану. Тот не так богат, этот не так смел, другой не так красив. А Диафет тем временем влюбилась в русского воина и задумала бежать с ним. Прознал про это злобный хан и запер дочь в пещере. Вход в пещеру охранялся огромной змеей. По легенде, Диафет была наделена магической силой и тому, кто спасет её, должны были стать доступны богатства и клады, спрятанные в недрах земли, даровалась неуязвимость в боях.

По преданию, змей стерег Диафет день и ночь, и когда почувал скорый конец, засыпал вход в пещеру. А красавица Диафет до сих пор ждет своего освободителя... Гора, в которой находится пещера, носит название Птицы-горы. Наверное, потому, что красавица похожа на запертую в клетке птицу...»

Закончив рассказ, Гюльнара резко повернулась к юноше:

- А давай сбежим, Алексей, далеко-далеко, туда, где нас никто не найдет.

Она смотрела на него так отчаянно, будто в её руках была вся их будущая жизнь, сжатая в тонких дрожащих пальцах. Её глаза светились безумной, детской верой в то, что любовь сильнее чужих упреков и старых семейных устоев.

А он молчал. Внутри него рушился привычный мир. Он видел её горящий взгляд, но не мог произнести заветное «да». Его губы едва заметно сжались в горькую, виноватую линию, а брови сошлись на переносице, образуя глубокую складку - не от гнева, а от той невыносимой тяжести, с которой он принимал неизбежное поражение. В его глазах не было ни страха перед родителями, ни даже злости - лишь глухая, оцепенелая боль. Он смотрел на неё не как на соучастницу побега, а как на человека, которому сейчас должен нанести смертельный удар, и этот немой ужас перед её будущими слезами сковывал его по рукам и ногам, не давая найти слова, которые не ранили бы её до крови.

-Куда? Без гроша в кармане? Надо вначале денег накопить, - дрогнувшим голосом произнес Алексей.

Гюльнара замерла. Время будто остановилось, превратившись в густую, липкую тишину.

Тепло надежды в её груди мгновенно сменилось ледяной пустотой. Не проронённые слёзы высохли в глазах так быстро, будто их никогда и не было, оставив лишь жжение. Она не кричала и не плакала; смотрела на него так, будто перед ней был чужой, незнакомый человек.

Гюльнара не стала упрекать. Её голос прозвучал пугающе тихо, лишив его последних оправданий. На её губах появилась горькая, едва заметная усмешка. Девушка посмотрела Алексею прямо в глаза и сказала:

-Значит, мнение твоих родителей тебе дороже нашего будущего. Ты выбрал их, а не меня. Прощай.

Поднялась, схватила цветастую юбку, выбежала и прыгнула в воду. А он ещё долго слушал всплески рассекаемой Гюльнарой воды.

Воскресное утро было солнечным и тёплым. Гюльнара проснулась рано, наспех съела корку хлеба, запила молоком и принялась собираться. Сегодня базарный день.

Девушка надела своё самое нарядное платье - белое, в мелкий синий цветочек, сунула ноги в ичиги, вплела в косы ленты. Подошла к маленькому столику, взглянула в зеркало. Слегка подвела брови чёрным угольком, который всегда лежал рядом с гребнем. Перекинула через плечо связанные веревками валенки и вышла, мягко затворив дверь.

Валять валенки ее научил дед. Труд кропотливый, руки после катки долго приходится отмывать, а потом втирать гусиный жир, чтобы огрубевшая кожа отмякла.

Валенки у Гюльнары были особенные – она на них вышивала узоры. Даже городские модницы зимой щеголяли в них - зимы Урала холодные, выюжные, а ноги в тепле держать нужно.

Рисунки никогда не повторялись. То птица с длинным, разноцветным хвостом замрёт на пяточке валенка, распуская хвост, словно веер, по всей высоте, то гроздь заснеженной рябины, как живые, прицепятся к носку, то первая снежинка с резными краями мягко упадет на голень.

Раскупались валенки хорошо, Гюльнара этим трудом и жила. Сейчас, конечно, не время, покупателя вряд ли найдет, да и цель у нее была другая – может, встретит его...

Алексей прогуливался вдоль деревянных столов, на которых торговцы выставили самые разнообразные товары: мёд в берестовых туесках, молодую конину, сыры, молоко, шали. Все продавалась на главной торговой площади города в этот ясный августовский день.

Он шёл неторопливо, без интереса разглядывая прилавки. Голоса торговцев гремели медными трубками, перекрывая скрип телег и ржание лошадей. Он шел, как по музею диковин, где все продаётся и всё имеет свой аромат. Вот горы арбузов, расколотых до розового сахара; вот ряды глиняных горшков, звенящих от щелчка. Старьевщик тянул к нему руку с тусклым серебряным подносом, а цыганка гипнотизировала черным глазом, суля золотое будущее. Для него это был лишь театр, забавное зрелище на час, чужая сказка, в которую он смотрел из ложи своего положения.

-Алеша, привет! – он повернулся на голос, увидев высокую девушку в нарядном платье.

Это была Татьяна, дочь отцовского друга - купца Овчинникова. Они жили на окраине их улицы, дом стоял на небольшой горе и от того казался ещё больше. Красивый, с резными ставнями и даже маленьким балкончиком. Татьяна была единственной дочерью, любимой и балованной. Наряды её отвечали самым последним веянием моды. Характер имела веселый, да женихов не было. Слишком неприметной внешности она была. Встретишь Татьяну, поговоришь, а потом лица и не вспомнишь, словно скатерть белая в памяти всплывёт, зацепиться не за что.

-Доброго дня, Танюша! – Алексей весело помахал ей рукой и зашагал дальше.

-Хороший парень, видный, - вздохнула Татьяна, обращаясь к подруге, маленькой черноглазой пышечке. – Вот бы мне такого мужа.

- А ты папёнке своему скажи, они быстро с его папёнкой договорятся, - сплюнув шелуху от семечек, ответила подруга.

Дождь начался резко. В считанные минуты небо затянуло тяжёлыми, свинцовыми тучами, подул резкий ветер и острые, холодные капли накрыли торговую площадь.

Алексей вбежал в открывшуюся недавно фотомастерскую со странным названием «Нур» и застыл в небольшом коридорчике, поглядывая через залитое дождевой водой стекло на площадь. Колокольчик входной двери мелодично чихнул, и в мастерскую впорхнула девушка. С валенками, переброшенными через плечо. Она быстрым движением стряхнула воду с головы и обернулась.

-Замёрзла? – сипло спросил Алексей.

-Немного, - кивнула в ответ Гюльнара, и они так ринулись навстречу друг к другу, словно не виделись вечность.

Он целовал её мокрые щеки, нос, она гладила его кудрявые волосы.

Никто из них не заметил высокую девушку, застывшую у окна, с изумлением глядящую на них. Дождь укутал её всю, платье промокло, облекая силуэт, но та ничего не замечала. Кроме этих двоих.

-Давай сфотографируемся, раз уж мы здесь, - он весело схватил Гюльнару за руку и повел в мастерскую.

- А увидит кто? – ахнула девушка.

- Ну и что. Я никого не боюсь.

Сухой старичок-фотограф пощёлкал языком, завидев их мокрые фигуры, хитро прищурился и пошел настраивать аппарат.

Алексей сел на стул, важно положив ногу на ногу. Девушка встала рядом, устроив руку на его плече. Фотограф спрятался под чёрным покрывалом фотоаппарата и нажал на вспышку.

- Через три дня заберёте, - сказал он в след весело хохочущим молодым людям.

- Эх, юность, юность, - покачал головой и закрыл альбом записи клиентов.

Пётр Серафимович Новокрещёнов сидел за столом своей конторы и аккуратно записывал в амбарную книгу расходы предыдущего месяца.

Человек он был крепкий, жилистый, с цепким взглядом глубоко посаженных глаз под густыми, чёрными бровями. Как в нем сочеталась грозная внешность со скрупулезностью домоправителя, оставалось загадкой. Характер он имел суровый, улыбался редко, сына воспитывал в строгости, жену держал в крепких руках. Пётр Серафимович знал – допустишь слабину и все полетит в тар-тарары - дом, хозяйство и главное дело жизни – лесоперерабатывающий завод.

Отец его допустил слабость, пропил по кабакам наследство жены и застрелился, оставив супругу и сына ни с чем. Такой судьбы своей семье Пётр Серафимович не пожелал бы.

Совсем маленьким мальчиком, на руках своей обедневшей матери, отправился Петя из Тамбовской губернии на земли Башкирии. В то время, после отмены крепостного права, началось «великое переселение народов». Слухами земля полнилась, и заманчивые слова звучали о далёких землях Предуралья. Много рассказов было о землях, принадлежащих башкирам. Климат благоприятный, земли много, а какие озёра и реки - красоты необыкновенной. Коренное население владело огромными площадями земли, но вело кочевой образ жизни и земледелием занималось мало. Земля была собственностью башкир. Они имели право на её продажу - со всеми природными богатствами и полезными ископаемыми. Цены на землю были относительно не высоки, ввиду их удалённости от центра.

Вот и Петина мама, наслушавшись рассказов и, оказавшаяся на улице после смерти мужа, с небольшим количеством денег, тронулась в путь. Поселились в деревне Кунакбаево. Деревня располагалась на левом берегу реки, а русские переселенцы стали заселять правый берег реки.

Когда их стараниями была построена и освящена церковь в день праздника «Преображения», то и деревню с той поры стали называть Преображеновкой. На Шишкиной горе, которую было видно из их крохотного домика, куда пустила пожить бедную вдову с малым дитём старая башкирка, - росли вековые сосны, величественные и могучие.

Мать быстро взял в услужение местный купец Захряпин. Женщина знала и французский и немецкий языки, что было очень важно для молодого отца маленькой девочки Анны. Уж очень хотел купец в будущем отправить свою любимую дочь в Петербург, на обучение в институт благородных девиц, но судьба распорядилась иначе.

Едва достигнув отрочества, Петя устроился к купцу работником. Очень старался юноша, сильный был и выносливый. Однажды, в пору покоса, пришла на поле кормить работников хозяйская дочь. Толстая русая коса, огромные бездонные синие глаза. Она протянула Петру крынку молока и зарделась. Уже к осени сыграли молодые свадьбу. Отец особо не противился - очень любил дочь и старался исполнять любое её желание. Да и жених из купцов, пусть и обедневших.

Жену Пётр, конечно, любил, любовался ею, когда статная фигурка сновала по дому, желая угодить мужу вкусным ужином или добрым ласковым словом. Не умел красиво говорить мужчина, да и считал, что слова не главное. Из столицы губернии, куда часто ездил по делам Пётр Серафимович, всегда привозил супружнице подарки, и, видя, каким счастьем загораются её небесно-синие глаза, чувствовал, как жар разливается груди.

Из сына готовил себе замену. Надеялся выучить его всем тонкостям ремесла. Да уж больно мягким получился Алёша - безвольный, хлипкий, красавец вот только, в мать пошёл. Но с лица воду не пить, а мужчина должен семью содержать в сытости и достатке.

Дом Петра Серафимовича был очень большой, с огромными надворными постройками. Усадьба располагалась по обоим порядкам улицы. На южном порядке был построен дом с каменным подвалом, деревянный амбар, изба для молодняка - телят, ягнят, поросят и прочей живности. Там же был и птичник. Еще у Петра Серафимовича был построен «каретник», карет, правда, не было, но был хороший рессорный тарантас, отличные выездные сани для зимнего времени. Большой двор был обнесен каменной стеной. Во дворе был выделен загон для овец, коров, лошадей, свиней и конюшня для жеребцов.

На северной стороне улицы были построены хранилища для хлеба, каменный подвал для пшеницы, деревянный - для ржи, овса, проса. На этой же стороне была кузница, где работали наёмные кузнецы.

В глубине усадьбы стояла рига, а у самой речки была построена баня из камня. Всё было сделано добротно. У Петра Серафимовича, одного из немногих, двухэтажный дом был покрыт железной крышей. Крыша покрашена жёлтой краской и блестела под яркими солнечными лучами. Окна и ставни первого кирпичного этажа покрашены белой и голубой краской, а окна второго - деревянного, покрыты в цвет дерева. В доме имелось два выхода - один во двор, а второй через парадное крыльцо - на улицу. Во двор хозяева заезжали через массивные, красиво вырезанные ворота.

- Доброго дня, Пётр Серафимович, - в дверях появилась плешивая голова давнего друга, Михаила.

- И тебе не хворать, Михаил Игнатьевич, - не отрываясь от книги, ответил хозяин. Гость побряхтел и уселся напротив.

Молча вытащив из кармана рубахи маленький кусок бумаги, протянул Петру Серафимовичу.

Тот нахмурился, взял в руки бумагу. Снимок. Фотография.

- Башкирка она, к тому же нищая, как амбарная крыса. Сирота, - сказал Михаил и принялся забивать самокрутку, - Не то что, моя Татьяна - у неё и приданое и воспитание, всё при ней, - и выжидающе замолчал.

Домой Пётр Серафимович приехал в дурном настроении. Сдал кобылу в руки работника Ивана, вошел в залу. Жена радостно защебетала, но, увидев лицо мужа, нахмурилась и замолчала.

- Лёшка где? - хмуро спросил хозяин.

- У себя, - тихо ответила жена, пряча задрожавшие руки.

- Зови.

Пётр Серафимович налил себе стопку самогона, опрокинул, не закусив, скинул картуз и сапоги, сел за стол.

- Звал, батюшка? — осведомился юноша, входя в горницу.

- Сядь, - свирепо рявкнул отец, - Свататься к Овчинниковым завтра поедем. Женим тебя на Татьяне, - исподлобья глядя на сына, сказал Пётр.

Он видел, как округлились глаза парня, как жена, прижав полотенце к губам, осела на скамью.

- И цыц мне тут! - стукнул кулаком по столу хозяин, - Не спорить, я так решил.

Отец говорил веско, будто вколачивал гвозди в крышку гроба. Он перечислял: три каменных лавки на ярмарке, склады у пристани, векселя... А Алексей стоял у изразцовой печи, сжимая в кармане похолодевшие пальцы, и слушал этот монотонный подсчет своего несчастья. Ему казалось, что его только что выставили на торги и пустили с молотка. Алексей видел впереди лишь душные купеческие палаты, запах воска, чужую, навязанную девицу и медленную, сытую смерть для своей души. "Будет исполнено, батюшка", — едва слышно вымолвил он, и это покорное "будет исполнено" прозвучало для него самого как смертный приговор.

Суматоха в доме Овчинниковых стояла знатная. Было перевернуто всё вверх дном, во всех уголках и закоулках было вычищено и вымыто. Пол выскоблен косырем до бледно-жёлтого цвета. Печка и голландка побелены белой глиной, керосиновые лампы надраены до блеска, а их стеклянные колбы дочиста очищены от копоти. Столы покрыты новыми скатертями, начищенное столовое серебро сияло. Женская прислуга суежилась на кухне, стремясь успеть приготовить стол к приходу сватов. Наконец, раздался звон колокольчиков и в большой двор въехали сваты. Татьяна была дома. Вместе с подружкой она расположилась в своей комнате. Девушка очень волновалась, теребя вышитый платочек в руках. Однако глаза её сияли счастьем. Сваты расположились за накрытым столом. Каких только яств на нем было - севрюга, стерлядь запечённая целиком, молочный поросёнок, разнообразные сыры, пироги и кулебяки.

После ни к чему не обязывающей беседы от том о сём, Пётр Серафимович сказал:

- Ну что ж, сваха, покажи нам вашу дочь и нашу невесту. Наш жених - вот он (показал рукой на опустившего глаза в пол Алексея), как нам, так и жениху, очень хочется её увидеть.

Мать Татьяны, такая же высокая и худая, как дочь, ответила:

- Мне, сваток, свою дочь дорогим гостям показать не зазорно, я её хвалить не буду, а вы посмотрите и сами судите да рядите.

Женщина встала и пошла к девушкам, где они до поры до времени скрывались. Затем вышли все вместе. Мама шла впереди, девушки за ней. Дойдя до центра залы, мать и подруга отошли в сторону. Татьяна осталась одна. Она опустила глаза, пытаясь справиться с волнением. Её тонкие волосы были старательно заплетены в косу с лентами, обвивавшую русую голову. Длинное светло-голубое платье подчеркивало осиную талию. Татьяну рассматривали со всех сторон, и девушка трепетала, как пойманная в силки птичка. Алексей, получив толчок от отца, встал и подошёл к невесте. Их взгляды встретились, и юноша невольно залюбовался девушкой. Не такая уж она была и некрасивая с таким светлым и счастливым лицом.

После смотрин молодёжь с согласия родителей отправилась погулять, а сватья приступили к обсуждению своих дел - надо было обсудить порядок проведения свадьбы, установить срок, обговорить все детали предстоящего события.

Глава 3

С Марией Виктор познакомился в институте. Оба жили в одном общежитии, буквально в соседних комнатах. Высокая, с крупным лицом, словно вырубленным бесталанным столяром, она часто приходила в комнату, где жил Виктор с Сашкой Пастуховым и приносила угощения - то картошку жареную, то пирожки.

- А Машка-то глаз на тебя положила, - прожевав очередную порцию картошки, заявил Сашка.

Виктору было совсем не до этого. Он только недавно расстался со своей девушкой - красавицей Нилой. Они представляли идеальную пару. Виктор - высокий, стройный, спортивный. Нила невысокая, с миндалевидными карими глазами, белоснежной улыбкой, большой, красивой грудью и очень мягким характером. Семья Нилы эмигрировала в Израиль. Клялись писать друг другу, но ни одного письма юноша так и не получил, а нового адреса любимой не знал. Она мерещилась ему повсюду. В каждой невысокой брюнетке Виктор видел Нилу. Каждый звук за окном - шум колёс, случайный смех, порыв ветра - заставлял его вздрагивать. Ему чудилось, что это она возвращается, что всё происходящее - лишь затянувшийся дурной сон. Он подходил к окну, всматривался в сумерки, но улица была пустынна. Расстояние между ними теперь исчислялось сотнями холодных, безразличных километров, и эта мысль казалась невыносимой.

Случилось всё неожиданно для него самого. Праздновали чей-то день рождения, портвейна было много, а закуски, как водится у студентов, мало. Маша пригласила Виктора на танец, и они медленно танцевали под забытый кем-то из студентов магнитофон. Потом все куда-то разбрелись, а молодые люди остались одни. Так и начались их встречи. Мария быстро всё взяла в свои руки. Планировала посещения выставок, концертов, переписывала ему конспекты, стирала рубашки и готовила еду. Он же жил по инерции, не сопротивлялся и не спорил, словно отмерла в нём какая-то часть души или уехала вместе с Нилой в далёкий Израиль.

К концу пятого курса он сделал Марии предложение. Просто понял, что заботливей жены ему не найти. Вот только родители молодой жены ему совсем не нравились. Ладно, мать - уставшая, какая-то блёклая женщина, но вот отец - вечно пахнувший перегаром, с пивным пузом, неопрятный и недалёкий, раздражал Виктора невероятно. Ему, выросшему в семье интеллигентных учителей, было неприятно лицезреть это унылое существо. Потому он старался как можно реже навещать тещу с тестем.

Вадим родился здоровым ребенком. Внешне он был похож на отца - такой же темноволосый и сероглазый. А к трем годам начались проблемы - эпилепсия, астма, плохая свертываемость крови. Мария вся почернела от бессонных ночей и нехватки денег на бесконечные лечения и лекарства. Виктор из центра её жизни грубо переместился куда-то на периферию. Всё чаще на работе он стал появляться в несвежей рубашке и не отглаженных брюках. Скандалы случались постоянно. Однажды, в пылу гнева, Виктор закричал:

- Это твой папаша-алкаш, нужно было вначале его увидеть и подумать, стоит ли жениться на его дочке, получится ли здоровый ребенок при таких-то генах.

Жена застыла, словно получила плетью по спине, а потом медленно развернулась к нему и сухо, выговаривая каждый слог сказала:

- Как ты смеешь?

Сашка Пастухов посоветовал им семейного психолога. Виктор честно сходил, отпотел в кресле отведённое им с женой время, и больше не пришёл. А Мария продолжила посещения психолога, и жизнь стала постепенно налаживаться. В скором времени Виктор перешёл на более высокооплачиваемую должность, приходящая домработница отглаживала его брюки и рубашки, но супруги теперь спали отдельно - каждый в своей комнате их особняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.